

А. БАЛАБУХА, Е. ВОЙСКУНСКИЙ, В. МАЛОВ,
В. МИХАЙЛОВ, В. МИХАНОВСКИЙ, Г. ПРАЩКЕВИЧ, З. ЮРЬЕВ

ПӨРӨХ В ПӨРӨХӨВНИЦАХ

Владимир Дмитриевич Михайлов

2012

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176086

А. Балабуха, Е. Войскунский, В. Малов, В. Михайлов, В. Михановский, Г. Прашкевич, З. Юрьев /

Порох в пороховницах / Антология: АСТ; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-052592-8, 978-5-9713-8198-3

Аннотация

Все крутые повороты в российской истории происходят с интервалом в 200 лет.

В 1612 году из Кремля с позором выгнали обосновавшихся там поляков. На троне воцарились Романовы.

В 1812 году в Москве побывали французы, были биты и спасались бегством до самой границы.

Пришел 2012 год... Очередные выборы. Есть несколько кандидатов на пост Президента страны. Однако события будут развиваться самым непредсказуемым образом.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Михайлов

2012

*Ах, завтра, наверное,
что-нибудь произойдёт...*
Булат Окуджава

Глава первая

1

На чёрном бархатном покрывале горе–ли четыре свечи. Тихо, как бы шёпотом горели, маленькими язычками, не отражаясь ни в чём, ничего не освещая, кроме скорбного ящика, стоявшего посредине, обтянутого белым и накрытого белым же. Ещё горела индийская курильница, делая воздух тяжёлым и сладким. Всё это – на столе; перед столом стоял старый человек, склонив голову, переплетя пальцы рук. Тёмные гардины были опущены, тишина клубилась, только в саду возникала и смолкала какая-то птица, и опять возникала и смолкала. Человек вздохнул, поднял голову с коротким седым ёжиком.

– Ну, прощай, – сказал он негромко, ибо слышать было некому, он единственный был здесь живым. – Прощай, милая моя, белая, тонкая. Двадцать лет вместе... и утром, и вечером, и руки мои обнимали тебя, и губы впивались, а ты услаждала меня и согревала, ты первой встречала меня и последней провожала ко сну. Я уж и не представлял, что можно будет как-то остаться без тебя – но мир полон случайностей, больших и малых трагедий. А кто может сказать, где кончается большое и начинается малое?..

Наверное, мысль нуждалась в продолжении. Но он отвлёкся. Насторожился вдруг: показалось, что стреляют. Дело привычное, но всё же... Нет, почудилось. Бывает. Да если и стреляли, то не близко. Не на этой улице. Стреляют обычно не свои, местные, а какие-то пришлые, приезжающие для своих разборок. Если тут, например, кто-то решил укрыться от недругов, а его отыскивали. Но в последние дни чужих не замечалось. Конечно, почудилось. Нет причин для беспокойства. Во всяком случае, ни в газетах, ни в эфире ничего такого не обещали.

А, собственно, когда и что они обещали, кроме покоя и благоденствия? Нет, проблемные вопросы, конечно, ставились и обсуждались со всей остротой. Например, болезненная тема абортов: на этот раз – не следует ли установить предельное число прерываний беременности для одной женщины. В прошлом году, одиннадцатом, дискутировали на тему не запретить ли их вообще; однако не прошло, законодателям пришлось сделать шагок назад, теперь спорят об ограничении. Более серьёзных проблем в стране, конечно, нет.

Тут проскользнула усмешливая мысль: а страна-то есть ещё? Или это лишь фантомное представление, как бывают фантомные боли, когда болит нога, на самом деле давно уже отрезанная. Ампутированная.

Но мгновенно мыслишка эта оказалась отбитой, отражённой по всем правилам фехтовального искусства одним лишь движением клинка: *а тебе-то что, есть она или нет? Твоё пространство нынче – отсюда до магазина и обратно, и дважды в год грандиозная экспедиция: из городского жилья – сюда, на дачу, и полгода спустя – обратно. И, как давно сказано: что тебе до необъятности мира, если тебе жмут сапоги? Если все сходят с ума – пусть сходят без моего участия.*

Думать так – привычно и успокоительно. Но можно и точнее сказать: что тебе до мира, в котором ты не живёшь, а лишь присутствуешь?

Жить в нём – удел других. Дочери Насти, для такого возрастного отца слишком, пожалуй, молодой – зато современной. Или, к примеру, Лёнька Недулов (сын Пашки, друга детства, увы – покойного), и сам уже в годах, зато – губернатор Тронской области, а это вам не хвост собачий. Вот они и им подобные пусть размышляют на вечные российские темы.

А в общем – пошли они все к...

Этой формулой, как всегда, отвлечённые рассуждения и закончились.

Он ещё помолчал – просто сам ритм прощального ритуала требовал паузы.

– Может, ты угадала, нашла правильное время, чтобы распрощаться с действительностью, что-то такое носится в воздухе – большое беспокойство. Слишком уж много глупостей говорится и делается.

Потом вышел на веранду, спустился в сад – в то, вернее, что от него осталось. Привычно бросил взгляд на ту часть улочки, что виднелась отсюда.

Трое мужиков медленно шагали в сторону станции – шеренгой, по проезжей части. Двое с калашами, третий – вот странно – с СКС, симоновским карабином, что в своё время не прижился в войсках. Ничего, для самообороны вполне годится.

Мужики свои, привычные, с поперечной улицы – гражданский патруль. Тот, что шёл справа, почувствовал, наверное, взгляд – повернул голову, кивнул, здороваясь.

Хозяин дачи поклонился ответно – вежливость прежде всего, – и медленно зашагал по найденной тропинке в дальний угол участка, где яма была уже вырыта по соседству с кустом крыжовника. Шёл, негромко – для самого себя – напевая нечто печальное. А может, и не печальное? «Баркаролу» из «Сказок Гофмана». Остановился перед ямкой, нагнулся, осторожно погрузил в неё коробку, тридцать сантиметров на восемнадцать, в которой, накрытые белым носовым платочком, покоились останки большой фарфоровой кружки. Из неё многие годы испивался кофе по утрам и в середине дня, а по вечерам – опять-таки кофе, или же чай, в зависимости от настроения, состояния и планов: принять ли таблетку и попытаться уснуть, одолев привычную бессонницу, либо сразу капитулировать и засесть за стол до утра, пока усталость не свалит с ног и не заставит добраться, пошатываясь, до постели.

Одним словом, в подругах ходила эта кружка, в наперсницах, пользовалась полным доверием и его оправдывала – пока вчера неожиданный порыв ветра не взмахнул гардиной, словно чёрным крылом провозвестника зла, и не смёл старую подругу со стола на пол. Не была кружка ни музейной, ни даже из знатного какого-нибудь сервиза, но за двадцать-то лет привыкаешь к вещи, она пропитывается тобой, становится частью тебя самого, и расставание с нею переживаешь всерьёз.

Лопатка была воткнута тут же, рядом; человек постоял ещё с минуту, печально склонив голову, чувствуя, как разъярённое солнце наваливается всё сильнее.

Мысли текли медленно, лениво, нехотя – потому, наверное, что день (если находишься в тени) выдался очень уж приятным: солнечным, безветренным, мирным. В такие дни хочется чувствовать, а не размышлять. Ничего – от этого жизнь становится только интереснее. Это не значит, что – лучше. Разные вещи. Особенно в двадцатом нашем первом веке...

Слово «век» было ключевым. Сразу поворачивало мысли в определённом направлении, как лошадь, зачуйавшая конюшню. А за ним так же непроизвольно выскакивала цифра 200.

Двухсотлетний цикл, да. Магия чисел всегда была привлекательной.

Двести лет тому назад – что? Наполеон в Москве. В Кремле. Недолго, но был.

Ещё двести: поляки – и примкнувшие к ним – всё ещё в Кремле. Тоже ненадолго. Но тоже – были.

Глубже закономерность, похоже, не просматривается. Ну, и не надо. Важно другое: сохраняется ли она и по сей день?..

Тут мысль сбилась. Потому что в поле зрения оказался кто-то, в это мгновение входивший с улицы через калитку. Человек был здешний, знакомый, хотя и не близко. Постоянно обитавший в бревенчатом зимнем доме, третьем справа за углом. Нуте-с, с чем таким его принесло?

Встретились на полпути к дому. Поздоровались за руку. Хозяин вежливо улыбнулся, гость оставался серьёзным. Заговорил без предисловий:

– Сосед, калаш не нужен? У меня лишний оказался. Новенький. Ещё в складской смазке. Два рожка в придачу. Много не запрошу. Ты пока в патруль не ходишь, понятно, это – пока тихо. Но ты же сам чувствуешь...

Предложение могло показаться неожиданным. Но жизнь давно уже отучила если не удивляться, то во всяком случае выказывать удивление.

– Калаш, значит? – переспросил хозяин, выгадывая время, чтобы собраться с мыслями. – А зачем он мне?

Тот усмехнулся:

– Время такое: может и пригодиться. Вдруг.

– Думаете, что-то такое может случиться?

Продавец – звали его Данилычем, Ре вспомнил – только покачал головой:

– Вы, можно подумать, на другой земле живёте...

– На земле-то на той, но, знаете... газет не читаю, надоело враньё, телевизор тоже не смотрю.

– И правильно. Но вокруг-то – видите, что делается? Все оборзели до предела, пока не дашь на лапу – и слушать не станут, а хапают всё больше, и никто им не препятствует – потому что чем выше сидят, тем больше берут, на верхах друг другу глотки грызут, чтобы побольше себе урвать. И врут напрапалую. «Реальный уровень жизни поднимается!». У них – поднимается, это точно. А у нас? Полгода, год – и снова цены скакнули так, что не дотянешься. На всё! Выморить нас, что ли, хотят, чтобы потом всё американцам продать? Слышали, кто-то сказал, умный: в России должно жить миллионов тридцать, чтобы обслуживать нефть и газ, а другие люди ей и ни к чему. Значит, что? Сто с хвостиком миллионов надо уморить, вот это и делают. Но только это ещё посмотрим – кто кого... – И, совсем приблизив рот к уху старика: – Есть слух – будет в Москве массовая демонстрация, как бы в защиту президента от его врагов. Значит, жди: эти самые враги тоже выставят своих. Враги-то его где? Да всё там же, в Кремле. И вроде бы народ пошлёт свои отряды в Москву – для поддержания порядка, чтобы не войсками это делать и не омоном, а как бы массами. Ну, а мы что? Мы – пойдём! Мы им там наведём порядок, уж такой порядок... Так что хорошая снасть любому пригодится, и вам тоже.

Каким было время, Ре понимал и сам. Наверное, даже раньше других понял. И потому всё, чем следовало обзавестись, у него уже было запасено. Не один только калаш. Но рекламировать этого не следовало.

– Я прямо сейчас могу показать, – предлагавший сделку гость с некоторым нетерпением вернул хозяина к действительности. – Как решаем? Только думай быстро, мы с тобой не президенты, нам торопиться надо. Есть слух, что тут скоро та ещё каша заварится, кто побогаче, скоро танки покупать станет...

– Спасибо за заботу, Данилыч. Но мне ни к чему. Возраст, знаете ли.

Данилыч, казалось, хотел ещё что-то сказать – крутенькое. Но сдержался. И проговорил только:

– Ну, моё дело – предложить. Бывайте, значит.

Повернулся и пошёл к воротам. Ре глядел ему вслед, пока Данилыч не оказался на улице, калитку аккуратно затворил за собой.

Что-то творится с погодой, что-то творится.

С погодой ли только?

Если бы. К погоде мы привыкли ко всякой, даже и к очень скверной, и совсем не по сезону. Тут – железное оправдание-утешение: сие от нас не зависит.

С погодой никакие Лёньки Недуловы не справятся. Да и те, кто сидит повыше, – тоже.

2

Леонид Павлович Недулов, губернатор Тронской области, как ни странно, в те же минуты тоже думал на российскую тему. И не в одиночку.

Это не следует понимать так, что думали они – и Недулов, и навестивший его сегодня коллега, северо-восточный сосед, тоже губернатор, Сергей Николаевич Демидов – обо всей великой России, её прошлом, настоящем и будущем, о её роли в мировой политике и о прочих высоких материях. Предметов для серьёзных размышлений в избытке имелось более конкретных, сегодняшних, местных.

Не то чтобы это было совещанием или другим официальным мероприятием. Скорее встречу эту можно было отнести к неформальным. Тем более, что для всего мира губернатора Демидова здесь и сейчас быть никак не могло. Телеканалы его области как раз в эти минуты показывали, как бы в реальном времени, как глава региона знакомится с почти уже достроенным Дворцом спорта, открытие которого вскоре предстояло как бы в пику всем международным организациям, что несколько лет тому назад не отдали Олимпийские игры —2012 России, предпочтя Москве тесный и туманный Лондон. На самом деле визит этот состоялся вчера, но ни в каких СМИ отражён не был именно для того, чтобы появиться и в эфире, и на бумаге сейчас. Приём не новый, но порою весьма полезный.

А оказался Демидов здесь и сейчас по той причине, что у соседних губерний созрело немалое количество серьёзных проблем, общих и для той, и для другой территории, которые решать следовало не в одиночку, а совместно. Потому хотя бы, что и та и другая области относились к регионам донорским, то есть большая часть их доходов на месте не оставалась, но изымалась центром и им же распределялась дальше уже по собственному центральному усмотрению. Самим же регионам денег, как ни странно, хронически не хватало, тем более что всё большее количество местных расходов тем же центром перекладывалось на плечи областей, на их бюджеты, которые чем дальше, тем больше напоминали пресловутый Тришкин кафтан – наряд, в каком показываться на людях не принято.

Эти проблемы были, однако же, настолько привычны, что обсуждать их не имело никакого смысла – во всяком случае, до поры до времени. Говорить стоило разве что о тех ситуациях, что порождались – прямо или косвенно – этими большими проблемами; и которые нужно было разруливать именно на местах, своими силами и собственным разумением. Им и был посвящён разговор.

– Ну, как у тебя там разбираются? – начал Недулов, как и полагалось, с вопроса не самого важного, но актуального. – Роят усердно?

Демидову не надо было объяснять, о чём речь. Четырьмя днями ранее в одном из городов области произошла очередная свара. Коренные жители снова учинили не слабую драчку с «понаехавшими тут», поводом послужила закладка нового молельного дома для иммигрантов, властью официально разрешённая. Восемь убитых, до сорока раненных. По сравнению с предыдущим эпизодом, полугодовой давности, изменился характер стычки: огнестрелов оказалось в полтора раза больше, чем применений холодного оружия.

– Зря ты разрешал, – сказал Недулов. – Мог бы предвидеть.

Демидов, помолчав, ответил:

– А я и предвидел. Народ ведь звереет потихоньку. Сам знаешь, отчего.

Недулов знал, конечно. Причин было достаточно. Для большинства – перегревшаяся уже ненависть к неимоверно богатеющим и открыто этим похвалявшимся магнатам. Для других – сознание того, что люди ни на что и никак не могли уже влиять, что они – пыль, и более ничто. Для третьих – ощущение того, что государство валится, и всякий понимающий это видит. Но власти на это наплевать. Для четвёртых...

– Вот я и подумал, – продолжал Демидов: – пусть стравят пар, иначе ведь того и гляди – на улицы станут выходить. И что тогда? Мне, знаешь, апельсиновый цвет вроде бы ни к чему.

Но эту тему Недулов развивать не стал. Вернулся к прежней.

– Стражи закона у тебя там постарались? – решил он уточнить.

Демидов покачал головой:

– Если бы. Да они и вмешались только под занавес. Когда стало уже затихать.

Стреляли участники. С обеих сторон. И не из самопалов. Калаши, макаровы.

Недулов понимающе кивнул:

– У нас по оперативным данным стволов у населения стало примерно вдвое больше, чем год назад. После того, как создали отряды самообороны, восстановили дружины, А как иначе, если от гарантированной безопасности жизни уже и следов не осталось? Тебе статистика известна?

– Само собой. Вверх по экспоненте. Если бы только магнатов и чинуш отстреливали, люди не очень волновались бы. Но ведь и простой гражданин давно боится на улицу выйти. Кстати, на этот раз и пришлые явились уже организованными. Заранее представляли развитие событий.

– Загребли многих?

– По пятнадцать с каждой стороны – для соблюдения равенства. Ну, человек по пять пойдут под суд, как полагается. Но дело ведь не в том – скольких посадят. А в том – куда всё это направлять, чтобы для пользы дела. Я с Изотовым хотел посоветоваться, но тут такая незадача...

Недулов кивнул. Незадача была в том, что Изотов, восточный сосед обоих, пять дней тому назад разбился, возвращаясь из Якутии, – вертолёт нашли на третий день, выживших не оказалось.

– Думал, так безопаснее, – сказал Недулов хмуро. – Словно бы на вертолётах только претенденты гробятся. Ан нет. Какие-то новости оттуда есть?

– Дело на особом контроле, вот и вся новость. Кресло займёт, по всей вероятности, один из питерских замов. А с ним ещё неизвестно, как удастся договориться.

– Постой, постой, – встрепнулся Недулов. – Был ведь разговор – поставят Седова, первого зама. Вся область за него, разве нет?

– А разве область выдвигает? – усмехнувшись, вопросом же ответил Демидов.

– Но область не слабая. Что же – будет заруба?

– Скоро увидим. Но что-то решать надо быстро. Поддержать наших.

– А наши – это которые?

Оба переглянулись, усмехнулись. Потом Демидов проговорил:

– Вот это и есть главный вопрос. Надо, как в Англии: друзей нет, но есть интересы. Надоело кормить неизвестно кого и зачем.

– Се-рё-жа!

– Когда же, наконец...

– Да Сергей Николаич!

– Ладно. Конечно. Извини. Давай думать всерьёз.

– А я думаю – надо подождать. Ситуёвина ведь такая, что наверху придётся что-то делать, хотя бы или нет. Выборы ведь отменять не станут? Нет. Вот и поглядим, кто с какой ноги двинется. Не мы ведь одни с тобой пытаемся понять – что к чему. Наверное, сейчас и Третий тоже напрягает серое вещество...

3

И действительно, человеку, обозначаемому в губернаторском диалоге порядковым числительным «Третий», думать приходилось сейчас много. Так уж сложилась обстановка. И в Москве, и во всей стране. Мысли поэтому торопились, обгоняли одна другую.

Четыре года тому назад, в восьмом, когда он, мнением узкого круга, впервые был определён в президенты, главным казалось именно это: пройдёшь ли, не засбоит ли давно отработанный механизм, не схалтурят ли многоопытные политтехнологи и пиарщики, не подведёт ли новый Центризбирком. Всё обошлось благополучно, и казалось – миг счастья вновь наступил, и дальше всё будет хорошо, очень хорошо. Казалось наперекор здравому смыслу, подсказывавшему: это когда ты впервые взойшёл на вершину, тебе мерещилось, что тут – обширное плоскогорье, на котором и вдвоём стоять можно уверенно, и двигаться в таком направлении, какое сочтёшь правильным. На деле же вершина – не плоскогорье, это – пик, на котором одна нога более или менее уместается, а со второй уже проблемы – куда её поставить, чтобы не соскользнула, не сорвалась. Потому что и сам этот пик – не монолит, а груда камней, на которой приходится так балансировать, как и циркачу не снилось, чтобы случайно не выскользнул из-под ноги камень и не пробудил лавину, камнепад.

Человек на самом верху, хочет он того или нет, становится личностью исторической. Сохраняется в анналах. Ему нужно более заботиться не о сохранении имени, но о другом: с каким определением его имя войдёт в традицию. С уважительным или уничижительным? С плюсом или минусом? При этом определение может не соответствовать действительности, но традиция сильнее. А традиция возникает по свежим следам. И существует долго, а то и остаётся навсегда. Этого невольно боишься. И порой приходят даже такие мысли: «А какого чёрта я вообще согласился?..» Правда, их гонишь, потому что обратного хода в этой машине не предусмотрено.

Первому не захотелось оставаться в исторической памяти с титулом «При котором погибла Россия». Не дай Бог. Это же – на века.

Тогда было весело, потому что свита усердно играла, создавая из Второго – короля, даже с перегибами. Но свита-то играет, а жизнь – нет. Она всё принимает всерьёз, пробует на зуб: не фальшак ли?

Второй, однако, вовремя понял, что на гору взойти – полдела, а надо ещё и спуститься без потерь – постепенно, так, чтобы это не выглядело бегством, – на хорошо подготовленную позицию. И выдвинул тебя.

Только вот выдвинул – или подставил? Чтобы было, кому ответить?

Найдутся, конечно, правдолюбцы, пытающиеся доказать: «при тебе – не значит, что по твоей вине». Понимающие, что в пору твоего прихода процесс зашёл уже так далеко, что и любой другой на твоём месте не смог бы сделать ничего.

Почему? Потому, что подлинная власть в стране такого размаха существует всегда на местах, а не в центре. И раньше так было, а сейчас – тем более.

Практически сосуществование властей – центральной и местных – всегда основывалось на компромиссах. Центр в общем давал периферии жить по своим законам. То есть – по правилам, установленным властью на местах. Взамен за центральной властью признавалось право на общегосударственную политику, идеологию, в какой-то степени – на регулирование финансовых потоков. Но когда какая-то часть территории управляется по своим

законам, правилам и традициям (всё равно, записанным или нет), воздействие центра на неё постоянно уменьшается. И в конце концов неизбежно становится слабее необходимого для поддержания государства как единого целого.

Ты (продолжал думать Третий) понимаешь это и сперва ищешь, ищешь, ищешь способы замедлить или вовсе остановить процесс распада. Ищешь в истории, в науке, в собственной фантазии... Что-то начинаешь понимать, чего-то, наверное, ещё не видишь. Но процесс не ждёт до поры, когда ты овладеешь, наконец, предметом полностью.

Что говорит история? Простую истину: всякая империя держится на силе. И только на ней. На силе, в первую очередь, оружия. На армии. И на том, что принято деликатно называть службами безопасности. Войска внешние и внутренние. Полиция, разведка, контрразведка – или политическая полиция.

В сегодняшней России, твоей России такой армии нет. Хотя в прошлом была.

Почему нет? Невозможно было её сохранить? Или – не нужно?

Не нужно. Власти – не нужно.

Власть должна чувствовать себя сильнее своей армии. Иначе власть перестаёт править. Её заменяют генералы или полковники.

Сегодняшнюю власть (понимал Третий) сильной не назовёшь. И армия, соответственно, ещё слабее. Так власть сохраняет себя.

Но – теряет возможность управлять на местах.

То же самое и со службами безопасности: они или опасны, или слабы. Власть предпочитает слабых, зато преданных.

А губернии – тем более.

Сохранить единство силой становится всё труднее. Если говорить о единстве не декоративном, а подлинном.

Как бы ни убеждали тебя в том, что всё в полном порядке, всё гарантировано, ты – политик и знаешь: верить нельзя никому – ни врагам (что понятно), ни тем, кто называет себя друзьями (а понимание этого приходит не сразу).

И ясно: единственное, что ты ещё можешь сделать, – это обеспечить себе наилучшие пути отхода на заранее выбранные позиции, где можно держаться неопределённо долго. И сам сможешь, и потомство.

Такая позиция может быть основана только на одном: на деньгах. На очень больших деньгах. Опираясь на них, ты, меняя позицию, не только не уйдёшь из власти – наоборот, подойдёшь к ней, подлинной, вплотную.

Сейчас уже многое для этого сделано. Но ещё не всё. Процесс нуждается в завершении – но для этого надо переместиться на другую позицию.

Это было ясно и четыре года назад. И уже тогда созрело: может быть, лучше – отказаться? Но уйти просто не дали.

Кто – это всем понятно. Те, кто был вокруг. Рядом.

Наверное, с любым из них можно было справиться в одиночку. Но со всеми вкупе – нельзя.

Опыт показывает: можно самых опасных или неудобных прижать, заставить уехать и гавкать издали, а не уезжают – упрятать далеко и надолго. Одного, другого, третьего...

Но на их месте тут же возникают другие. Политика, как и сама природа, не терпит пустоты. То, что называют политической элитой, избранным кругом и тому подобное – это гидра. Сколько ни отрубай голов – тут же вырастают новые.

Так было тогда. Но сейчас кольцо окружающих...

(Тут невольно вспомнился Лермонтов: «Вы, жадною толпой стоящие у трона...» Точная характеристика. Совершенно не устаревшая.)

...кольцо окружающих перестало быть единым. Дало трещины. И выскользнуть без потерь стало не легче, а труднее.

По сути, сейчас – просто невозможно. Не та обстановка. Даже если не думать об истории, а всего лишь о хорошо подготовленной позиции для отхода. Потому что если уйти после первого срока, это будет воспринято как крайняя слабость, неумение одерживать верх. А слабых бьют. Хотя бы просто за то, что – слаб. Выборы надо выиграть.

Гарантию твоего спокойного будущего – хоть здесь, хоть где – предоставляет Ладков. Преданный, как говорится, без лести. Потому и назван, рекомендован в альтернативные кандидаты. Поскольку это фигура серьезная, солидная, и с ним выборы не будут выглядеть цирком, но создадут впечатление серьезной конкурентной борьбы. А в нужный миг он снимется и призовет свой электорат отдать голоса тебе. Просто и красиво.

Однако половина близких людей теперь поддерживает не Ладкова, а Лаптева. Семёна Никитича. Московского – назвать по-старому – генерал-губернатора с недавних пор. Поддерживает – потому что он такой же свой, как и Ладков. Из одного гнезда. Но есть существенная разница. И её понимаешь, когда думаешь о прошлом. Своём собственном. Невольно возникают интересные и не всегда приятные мысли. Например: а, собственно, почему Второй тогда выбрал тебя, а не Ивана, Петра, Сидора? Именно тебя?

Первой возникает самая сладкая мысль: да потому, что именно ты оказался самым способным, умным, решительным. Был сочтён лучшим среди равных. Сумел представиться таким. Организовать собственную раскрутку.

С такими мыслями приятно глядеться в зеркало. Воодушевляет.

Но через краткий миг приходят и другие соображения. Иного толка.

Подумай: тот, кто покидает такой пост – насколько заинтересован он в том, чтобы преемник оказался умнее, решительнее, удачливее, чем он сам? Ведь преемник – это тот фон, на котором будут рассматривать предшественника, давать ему оценки, формулировать приговор истории. Пусть не окончательный, но тем не менее важный.

Ответ: в этом уходящий заинтересован меньше всего. Наоборот: ему выгодно, чтобы новый правитель оказался во всех отношениях слабее, неудачливее, проигрышнее. Чтобы мир вынужден был бы вспоминать о предыдущем: «Вот то был правитель, вот то были времена! А этот, нынешний – слабак, тьфу! И куда только глядели?».

Вывод: то, что назначили именно тебя, говорит о том, что сочтён ты был не самым умным, а наоборот: самым туповатым, самым управляемым, самым контрастным по сравнению с предшественником.

Но тебе это было ясно заранее. И, вероятно, тебе удалось лучше, чем другим, сыграть роль и туповатого, и управляемого. И таким способом обойти их.

Ведь на самом деле ты не такой? Ты умён? Находчив? Решителен? Проницателен?

Пожалуй, да. Хотя бы потому, что принял решение: выдвинуть Ладкова. Ладков надёжно прикроет отход.

А вот Лаптев – нет. У него, как выяснилось (к сожалению, не сразу), не тот характер. Его не заставишь выглядеть бледной тенью предшественника. Этот, наоборот, станет землёю рыть, чтобы доказать: «Тот, всеми восхваляемый, не мог – а я вот могу!»

Всё это, конечно, с соблюдением всех ритуалов до поры до времени – как и сам ты делал по отношению к своему предшественнику и вершителю твоей судьбы.

Лаптев возвышаться не должен. Уже в этом допущена громадная ошибка: нельзя было ставить его на Москву. Но он оказался достаточно профессиональным, чтобы до этого не позволить никому заглянуть в его душонку хоть краем глаза. Ну такой был душка, такой до смерти преданный! Но почувствовал за собой Москву – и как будто его подменили.

Нельзя пускать щуку в пруд. Но способ должен быть таким, чтобы не придраться. Чтобы на тебя самого и тени не пало. Как-никак, Лаптев из того круга, из какого на нары не отправляют – закон неписанный, но нерушимый.

Нет, конечно, поискать следует – вдруг что и выплывет. Но на этом политику не построишь. Даже самые крутые пиарщики задумаются. Лаптева уже прочитали и поняли: будет давать сдачи без стеснения.

С чего начать? Лаптев чуть ли не открыто заигрывает с армией. С Генштабом, понятно, а не с министром. Значит, первое: убрать из Подмосковья войска. Лучшие. И Таманскую, и Кантемировскую, и Севастопольскую. На всю предвыборную. Это уже сделано: Верховный главнокомандующий – то есть ты сам – приказал провести большие тактические учения. Как положено. Генштаб испросил разрешения задействовать в учениях ещё одну дивизию – откуда-то из глуши, из Восточной Сибири. Чтобы играла резерв противника. И сейчас москвичи уже воюют где-то близ Смоленска. Лаптев на них не обопрётся.

Но надо ещё что-то сделать для Ладкова. Чтобы электорат в него поверил, как в продолжение тебя самого. Что-нибудь такое, что приблизило бы к нам либералов, самую беспокойную и в чём-то влиятельную группу. Но в первую очередь даже не их, а Запад. Слишком многие у нас ещё оглядываются на него. Что же?

Да! У Котовского срок ещё долго не кончится. Вернее, старый-то истекает, но есть и новый, он только начнётся. А что, если Ладков официально обращается к тебе с просьбой сократить оставшийся Котовскому срок до нуля? Просто взять и освободить. Сколько это добавит Ладкову? Кем Котовский может стать на свободе: врагом? Или союзником? Пойдёт в друзья к Ладкову-освободителю? Возможно. Так что же, ещё попридержать его на зоне? Или наоборот – доставить с помпой, ковёр расстелить...

И то и другое опасно. Потому что Котовский – человек всё-таки непредсказуемый. Ненормальный. Нормальному сказать «Беги!» – он побежит. Дать взятку (не обязательно деньгами) – возьмёт. А с этого станется – и не взять, и не побежать. Он, может, во враги и не пойдёт – научился же хоть чему-то, пока волочил срок, – но и дружить не начнёт. А к нему кое-кто потянется.

Значит, что?

Нет, всё-таки освободить. Пусть возвращается.

Ну, а если он всё же полезет в драку? Запад, с которым через силу приходится дружить, хотя внешне порой и артачиться, поддержит Кота с великим удовольствием: им он мил и понятен.

Пусть едет. Только... всякое ведь бывает. А что? Дело житейское. Конец немалый. Всё может случиться. В России, да и не только.

Третий поднял трубку главного телефона. Набрал номер. Ответившему – сказал:

– Савелий Карлович, так что у нас там – ну, где рукавицы шьют?

Савелий с Благовещенского переулка – золотой мужик: всё понимает с полуслова.

– Всё в лучшем виде.

– В этом не сомневаюсь. Но... если мы сделаем к выборам подарок оппозиции, сократим Котовскому срок до нуля? Как бы по инициативе Ладкова, правовые вопросы ведь под ним. Ваше мнение?

Савелий не промедлил ни секунды:

– Полагаю, результат будет хорошим. Оппозиция потеряет пару клыков.

– Рад, что наши мнения совпадают. Но беспокоюсь: не случилось бы с ним чего-нибудь... такого. А? Лишние скандалы нам ни к чему. Не думаю, конечно, что кто-нибудь из недоброжелателей подошёл бы снайпера, но всё же обида в массах на него велика, нахал в своё время народного добра. Вдруг придёт кому-то в голову что-нибудь вроде самосуда, в этом роде. Не опасаетесь?

– Ну... там, как и везде. В общем, спокойно. Конечно, бывают хулиганы, происшествия на бытовой основе, мало ли что случается в жизни... Может, дать ему охрану, пока не сядет в самолёт – для верности?

– Это как раз и будет скандал. Пойдёт шорох типа: мол, освобождён, но всё ещё законвоирован. Власть, якобы, всё ещё его боится. Не нужно. В конце концов, свободный человек свободен и рисковать.

– Безусловно, Игорь Фёдорович. Понял вас.

– Будьте здоровы, Савелий Карлович.

Так. Что ещё надо сделать срочно?

Пора всерьёз подключать пиар. Мастеров. Гроссмейстеров.

Найти этого... да, Полкана. Он вроде ничем пока ещё не опаскудился. А дело знает. Нанять его. Пусть поработает на Ладкова. Хорошая мысль. Правильная.

4

Пятница, конец рабочей недели. Сорок восьмой троллейбус. Жара. Пот. Нервы. Последний баллончик дезодоранта на исходе. Тысяча рублей. Она есть, но последняя до понедельника. Так нельзя. Это не жизнь. Какой-то подонок сзади прижался всем телом, так что сердце само собой зачастило. Отодвинуться некуда: троллейбус набит под завязку. Нахал. Сейчас, чего доброго, начнёт хватать руками. Одно тонкое платице, всё равно что голое тело. Вечером залить пять литров бензина – сто пятьдесят рублей. Остальные – на светскую жизнь. Уик-энд по-девичьи, хотя вряд ли получится: пополз слухок, что Котовскому светит досрочное, так что нам, штабным волонтерам, работы хватит. Скотина, прижал так, что и пальцем не шевельнёшь, руки плотно прижаты к бёдрам, и не крикнешь – сил нет. Ну, пусть насилует – если сумеет, конечно. Было бы приключение на худой конец. Но и ему не шевельнуться. Сопит над ухом. Что светит впереди? Одолжить и съездить – если и не в Лондон на Олимпийские, то хотя бы в Турцию или Египет? Кто же одолжит в пору отпусков? У кого из своего круга есть деньги? Да и чем отдавать потом? Разве что натурой. «На Сухаревке сходите? Разрешите...» Медленно повернуть голову, с презрением взглянуть на нахала. Ну и ну! Это баба. Пожилая, плоская, как стол, перед собой, пониже живота, обеими руками держит пакет, в котором – бутылка. И вообще это не... А уж фантазия разыгралась! Всё от жары. «Не толкайтесь, пожалуйста. Схожу, схожу». Уф...

Проходя мимо дряхлой, но родной «десятки», привычно подёрнула дверцы. Заперты. Никто не наведывался. Да и брать давно нечего. В баке – только-только до заправки. Надо было давно переделать на что подешевле. А говорят, и переделывать не надо. Залить – и пойдёт. Была бы экономия. Рублей до полусотни. Купить виллу, нанять лакея, ни в чём себе не отказывать. Каблуки не для этой погоды: вязнут в асфальте, хотя и не совсем шпильки. Было бы надеть на среднем, широком. Но хотелось обязательно в тон. Для кого? Ни для кого. Для самой себя. Тот, ради кого надела бы всё на свете, – далеко. Да и появится ли вообще ещё – непонятно.

Подъезд. Солнце отсечено наглухо. Ура. Ура. Всё-таки старый дом – это старый дом, стены, а не картонная конструкция. Зимой тепло, летом не то чтобы прохладно, но лучше, чем на улице. Лифт работает. Научно-техническая революция!

Да, с деньгами неладно. И привычка, оставшаяся от родителей – давно уже покойной матери и древнего, но всё ещё живого отца: десятками не считать. Но ведь всё и состоит из них – тусклых, непрезентабельных, невыразительных атомов благосостояния. Их должно быть много. Очень много. А ещё точнее – их вообще не должно быть. Чтобы были пятитысячные, и как мелочь – тысячи и пятисотки.

В семнадцать, восемнадцать, двадцать лет говоришь себе: завтра всё это будет.

В тридцать: когда же это, наконец, будет? – по-людски, без свинства, без заикливости на деньгах, вечно – деньгах, одних только деньгах?

Философия Тимофея. И чуть не стала твоей. Врёшь: стала. Но ненадолго. Пока не послушала Котовского. И поняла другое.

Человек должен быть добрым – вот к какому выводу приходишь, хлебнув горя, выбравшись из переполненного троллейбуса. Людей надо жалеть. В особенности тех, кому природа чего-то не дала. Которые чувствуют себя в чём-то ущербными. Страдают от комплексов.

И чем больше человеку дано – тем он должен быть добрее. И душевно шире.

К этому выводу ты пришла окончательно, когда познакомилась с Артёмом. И поняла, хотя и не сразу, что отношения людей и денег бывают разные. Или деньги – твои хозяева. Или командуешь ими ты. Сразу показалось, что Артём – из тех, кто командует. А вскоре и выяснилось: он и на самом деле командует. И не рублями. Людьми. Полковник. Жаль, что не столичный. И здесь оказался тогда ненадолго.

Познакомились в фитнес-клубе. Он туда зашёл, как потом объяснял, от скуки. А может быть – это тоже его слова – судьба привела. Сразу запал не неё. Предложил провести день – выходной – вместе. Приняла приглашение. И в постель легла без угрызений совести. Свободный человек в свободном (как говорят) мире. Он тоже в разводе. То есть оба в ожогах, хотя и разной степени. Потому не склонные к быстрым кардинальным решениям. Но встречаться – а почему бы и нет?

Её природа не обделила. А то немногое, в чём поскупилась, возмещает косметика. Те самые Диоры, Ланкомы и тому подобные. Возмещает диета. Плавание. Теннис. Значит, следует быть доброй и широкой и в близости. В человеке, особенно в женщине, доброта должна быть сильнее всего. Даже любви.

А вот жадности быть не должно. И она до сих пор у Артёма ничего не просила. И не принимала. Почти. Ну, там, хорошую косметику, колечко... Но деньги – никогда.

Сначала казалось – проходной эпизод. Не более. Раз он к тому же из каких-то дальних мест. Куда её разве что по суду можно было бы заполучить. Да и для него тоже – столичное развлечение, рядовое приключение, солдат в краткосрочном отпуске, как сам он говорил. Помял московскую девицу – будет о чём вспоминать где-то у чёрта на рогах, на досуге, самодовольно ухмыляясь.

Но уже почти сразу отношения их пошли как-то, ну, нестандартно.

Первый день был ещё нормальным. У неё вот уже года полтора никого не было, перед тем, порвав с мужчиной по имени Тим, то есть не то чтобы окончательно порвав, но научившись избегать его, динамить (благо – он всегда так занят, так занят!), полностью разочаровавшись, она решила: порезвилась – хватит, надо заниматься делом. Взяли её в так называемый штаб Котовского. Времени на переживание не осталось. Но, оказывается, желание копилось. И на этот раз она не стала сдерживаться – именно потому, что человек был совершенно со стороны – уедет, и забудешь навсегда. Поэтому первый день был, как бы сказать, праздником тела. Она получала, и отдавала не меньше. И у неё дома. И на Клязьминском водохранилище, чуть ли не у всех на глазах. И... Голодное тело насыщалось большими, жадными глотками. И его – тоже.

Но уже на второй день как-то всё больше стало возникать разговоров. Вернее, темы стали меняться, потому что болтаешь ведь всегда – в промежутках. Так, ни о чём, просто чтобы дух перевести, дать плоти время восстановиться. А тут вместо болтовни стало возникать всё больше других тем. Даже и на политические темы, хотя как раз они, похоже, интересовали нового знакомого меньше, чем, скажем, наука или искусство.

Как сказал в своё время хороший поэт – «что люблю, что читаю, что мечтаю в дороге найти»¹...

И где-то в середине недели выяснилось вдруг, что говорить им даже интереснее. Важнее. Она удивилась было: провинциальный лейб-гусар оказывался куда более сведущим и в музыке, живописи, театре, и мало чем уступал в литературе. Правда, в киношных темах она оказалась куда сильнее. И в политике тоже – да иначе и быть не могло: она, как-никак, принадлежала к «штабу Котовского», хотя находилась там более на ролях «подай – убери». Но главным, пожалуй, было то, что Артём даже и об этих делах слушал с неменьшим удовольствием, чем рассказывал сам. Не старался подавить, пусть деликатно, но всё же напоминать время от времени, как Тим: «Женщина, знай своё место, оно всегда – второе». Короче – оказалось, что секс-игры – не главное между ними. Нужное, приятное, но не оно определяет.

Поэтому она не очень удивилась, когда на излёте отведенной ему службой недели, уже как бы начиная прощаться, он сказал:

– Люблю ясность. И хочу, чтобы она и у тебя была.

Она только кивнула, предчувствуя.

– Значит, так. Восприми со всей серьёзностью: предлагаю отношения продолжить навсегда. Обещаю: кроме тебя – никого, никогда. Оформление – любое, по первому твоему слову. Перспектива: к себе не зову. Тебе там делать нечего. Но если у тебя хватит терпения на... ну, не более года, думаю, что меньше – улажу всё, как надо. Предупреждаю: пока я там, связь будет с затруднениями, разве что через спутник – такие места. Но о себе буду докладывать при любой возможности. У тебя будет возможность отвечать. По-моему, я сказал всё. Итак?

– Нет, – сказала она, и добавила торопливо, чтобы он не успел понять неправильно. – Ты не сказал главного.

Артём соображал не менее двух секунд.

– Прости. Ты ведь знаешь, что я тебя люблю. И ты мне нужна для жизни. Иначе не стал бы...

– Всегда начинай с этих слов. Тогда у меня хватит не только терпения. Я вообще-то не из терпеливых. У меня хватит и веры. И надежды. И любви.

...Такие вот разнообразные мысли и воспоминания приходят в голову, когда перед зеркалом приводишь себя в порядок. Замечая при этом, что флакончики и баночки уже почти пусты – как бензобак в машине.

Надо быть в полном порядке. Даже если собираешься туда, где все тебя знают достаточно давно. Нет, не «даже», а «тем более». Для этого придётся поработать ещё минут сорок. Малейшая торопливость неуместна. Женщина перед трюмо так же не имеет права ошибиться, как разряжающий мину специалист по борьбе с терроризмом. И даже ещё меньше. Потому что сапёр, ошибившись, больше ничего чувствовать не будет. А ты – будешь. Долго. Болезненно.

Потом – одеться. Уложить в сумку всё, что может понадобиться для предстоящих после штаба двух дней жизни на отцовской даче, на пленэре, так сказать, – с купаньем, с прогулками по лесу. Запереть квартиру. Бросить сумку в машину. Доехать до заправки. Попросить мужика заправить машину, чтобы самой не пропахнуть бензином. Те самые пять литров, что стоят сто пятьдесят рублей.

Оттуда – в штаб. Если там ничего срочного – за руль и к отцу. За город. Там он творит в своём шалаше – один, как уже много лет, словно бы не думающий о том, что вот понадобится, чтобы кто-нибудь подал стакан воды, – и некому будет. Уповает на Господа.

¹ Михаил Светлов. Артист.

К сожалению, возможное удовольствие будет сильно подпорчено. Потому что Тим не далее как вчера позвонил откуда-то и предупредил, что хочет встретиться. Для серьёзного, мол, разговора. Дескать, в его жизни происходят – или уже произошли? – очень значительные перемены к лучшему, «и поскольку ты, Анастасия, знаешь о моём отношении к тебе...» – и так далее.

Фу. Зануда. А главное – предотвратить его появление нельзя. Не вызывать же милицию. Да она всё равно не пришла бы. Наверное, он и в самом деле влюблён. Если только вообще способен на такие чувства. Но те месяцы, что мы общались, говорят о другом. Я ему нужна была для престижа – всюду таскаться с ним и надувать щёки. Повышать его рейтинг. Таков нынче мир. Служить у него вывеской. Странно: мне ведь это нравилось – поначалу. Вращаться в кругах. Производить впечатление. Получать предложения – явные или чуть замаскированные – на пересып. И удивление: почему отказ? Что, вовсе уж глупа?

Ну ладно, хочет полной ясности – пусть получает. Перспективы у него! Видала я его перспективы в белых тапочках. Да пусть его хоть президентом избирают – мне-то что? А ведь его вполне могут куда-нибудь избрать – или назначить. Время такое... смутное. Ясно ощущается: растёт сильное беспокойство, носится в воздухе. И слухи. Как вот этот, только что услышанный из достаточно серьёзного источника: вокруг Котовского снова возникает какая-то возня. Что, решили навесить ещё одно дело, какое оно будет по счёту – третье? Или наоборот – кто-то решил наконец прекратить грязную комедию и выпустить людей, виновных разве что в том, что оказались разворотливее прочих, но ухитрились при этом совести не потерять? Тёмыч, полковник, куда ты, к чёрту, подевался? Сейчас, как никогда, хочется чувствовать рядом крепкую опору. Не ловкача, не карьериста, а... Уже месяц, как ни словечка. Почувствуй: мне всё хуже становится без тебя. Сделай что-нибудь! Быстро!

...Ну, кажется, всё в порядке. Глаза, и так от природы достаточно большие, материнские, теперь, благодаря искусству, кажутся и вовсе огромными, бездонными, таинственными. Чёрными, длиннейшими, мохнатыми стали ресницы, потемнели брови, гладкой, матовой сделалась кожа. Можно выходить в свет.

Машина. Сумку небрежно швырнуть назад. Сесть. Опустить стекло. Тёмные очки. Ключи. Стартёр берёт со второй попытки. Надеты автомобильные перчатки. Врубить первую. Сигнал поворота. Снять с ручника. И – поехали.

И – приехали.

К заправке, как и было намечено. Однако на этом планы и исчерпались.

Хотя по дороге всё было вроде бы нормально. Пробки имели место, но время на них было заранее рассчитано, так что тут отклонений не возникло – по крайней мере не более пяти минут. Неприятности начались на колонке. Неожиданные и серьёзные. Для Анастасии, во всяком случае.

Во-первых, очередь на заправку оказалась неожиданно большой. По меньшей мере странно. Заправка была не магистральной, а далеко в стороне, маленькой, и никогда тут больше двух-трёх машин не скапливалось. А сейчас их было не меньше дюжины.

Но это была ещё не беда. Что дела обстоят хуже, чем показалось сначала, она поняла лишь бросив взгляд на табло с прейскурантом. Цена выросла сразу процентов на тридцать. Хотя ничего такого, похоже, не предполагалось, даже слухов, обычно предшествующих событию, не возникало. А теперь получалось, что если брать всё те же пять литров – а меньше никак нельзя было, – то придётся обойтись хлебом и водой всю предстоящую неделю.

...Когда подошла, наконец, её очередь и давно знакомый заправщик по имени Отец Фёдор кивком поздоровался с постоянной клиенткой, она не удержалась, выразила обиду:

– Вы же вроде не с большой дороги, что же вдруг занялись грабежом?

Фёдор не обиделся, но и не усмехнулся – а обычно он всегда разговаривал с этой ухмылочкой, как мудрец, всё знающий, с несмышлёнными человечками. Слегка пожал плечами, свинчивая пробку, и проговорил серьёзно и даже с некоторой озабоченностью в голосе:

– Со вчера подвоза нет. Последнее заливаю. Ещё десяток заправлю – и хана, досуха. Тебе сколько?

– Пять, больше не надо. Что же, будешь терять клиентуру?

– Куда они денутся!

– Конкуренты перехватят.

– Не. У них всё так же, мы перезваниваемся. Вообще подвоза нет.

– Не помню, – сказала она, – чтобы в Москве такое было.

– Да говорят, там что-то...

Он не договорил: сзади сердито засигналили. Закрыв бак.

– Катись счастливо.

На этот раз завелось сразу.

5

А у Тима, занимавшего в мыслях и чувствах Анастасии не самое заметное место, перспективы и на самом деле возникли – ну, не скажем, что такие уж радужные, но, во всяком случае, многообещающие. И, к его чести, не случайно они появились, а благодаря его собственному уму и энергии. По заслугам.

Хотя на первый сторонний взгляд Тимофей Кузьмич Гуцев в консалтинговой фирме, где зарабатывал себе на хлеб с намазкой, до сих пор на общем фоне политехнологов невысокого ранга ничем не выделялся. Крупных кампаний ему не доводилось ни задумывать, ни планировать, находился он, как говорится, на подхвате, мастера этого дела его как-то не замечали, потому, может быть, что никто за его спиной не стоял и не продвигал, не был он ничьим сыном, ни даже племянником, хотя бы троюродным. То есть родители у него, конечно, имелись, всякой другой родни тоже хватало, но все они были такими людьми, которых, в их глухой провинции, сверху даже в упор и в микроскоп не видят. А это ещё хуже, чем если бы их и на самом деле не было, а был бы он младенцем найден в подъезде генеральского дома на Тверской. Тогда можно было бы конструировать своё происхождение, существовала бы некая таинственность, которая всегда привлекает. А если ты появился на свет законно и откровенно в районной больничке далеко-далеко, где кочуют туманы, то пробиваться можно только локтями и зубами. Если, конечно, чувствуешь, что и способностей, и воли, и энергии в тебе столько, что им просто необходим настоящий простор, иначе они тебя сожгут изнутри.

Но вот, похоже, пришла пора...

Тим снял трубку и набрал номер. Ответили не сразу, и Тимофей уже испугался было, что упустил время и нужный человек отправился уже «на верха», как он это называл, – чаще всего то была мэрия: общаться с сильными мира сего, ловить ветер и вовремя напоминать о существовании фирмы, готовой к услугам. Уедет – и поймать его сегодня окажется и вовсе невозможно.

Но после пятого гудка трубку всё-таки сняли.

– Гуцев беспокоит, – сказал Тимофей не громко и не тихо – вежливо, чётко и в той интонации, с которой можно было одинаково естественно перейти (в зависимости от того, в каком настроении находился сейчас человек на другом конце провода) и на дружескую, полушутливую, на какую Тимофею давало право старое знакомство – ещё с поры, когда оба протирали штаны в одной и той же аудитории одной и той же Плехановки, – и, если окажется,

что для общения в таком ключе сейчас не время, мгновенно перейти на манеру разговора снизу вверх, на «вы», с извинением, что побеспокоил не вовремя.

– А, – сказали там. – Ну, привет, привет.

Это был хороший ответ. Он означал, что вместо формального «Андрей Андреевич» к бывшему однокашнику с собачьей фамилией Полкан можно было обратиться с облегчённым «Андреич». Просто «Андрей» и даже ностальгическое «Андрюша» допускалось в последние годы лишь в случаях исключительных и уж никак не по телефону. Видно, запахло хорошим заказом. Слух оправдывался. Значит, самое время.

– Прости, Андреич, что отрываю от дел...

– Ладно, ладно. Я уж и забыл, когда ко мне в последний раз не по делу обращались... Так что там у тебя?

– Не телефонное, Андреич. Разреши подняться к тебе – на эти пять минут?

– Уже на четыре. Давай, только быстро.

В четыре минуты Тим не уложился – просто потому, что Андрей Андреич не позволил. Выслушал сперва, казалось, не очень внимательно, заранее скептически подняв брови; но оценил сразу, соображал он быстро. И, похоже, оценил достойно, потому что сразу же стал задавать вопросы и уточнять. Потом высказал своё мнение:

– Америки ты не открыл. Приём известный и простой. Но в таком масштабе не применялся. Может быть, это как раз и сработает – своей неприкрытой нахальностью. Так сказать, ошеломит. Конкретно: он реально существует?

– Как мы с тобой. У меня всё схвачено: координаты, резюме...

– Ты с ним общался? Каков он на просвет?

– Без твоей санкции – не хотел.

– Разумно. Значит, так. Быстро уточнить – ну, это мы сделаем, и можно будет предложить, как рабочий проект. Но! Если получим «добро», главной станет задача – какая, потвоему?

– Выдвижение и регистрация – гладкая, без запинок. Потом – раскрутка. Спин.

– Правильно. Ты, наверное, подумал и где и кто выдвинет?

– Прикидывал. И думаю – вниз по матушке по Волге... Там три варианта возможны. Но ни в коем случае не восточнее Урала.

– Пожалуй, так. Значит, сейчас пойдём вот каким путём: сделаем тебя менеджером этого проекта. Понятно, предложу клиенту лично я, а делать будешь ты. Сработает хорошо – сам понимаешь, на каком уровне окажешься.

Это, собственно, и было тем самым, чего Тим хотел и на что в глубине души рассчитывал.

– Андрюша, спасибо огромное!

– Значит, решили. А сейчас – извини, времени ни секунды не осталось. У меня randevu – знаешь, где?

Он не удержался, сказал – где. Здорово, конечно. Но не получится ли так (раздумывал Тим, уходя), что придётся им работать друг против друга?

А хоть бы и так. Потому что кто бы из них не победил – выиграет фирма. Хотя, конечно, приятно было бы всё же не проиграть. Впрочем, может быть, придётся и сыграть в поддавки. Но это окупится.

Что же: ехать так ехать. Первое: получить согласие будущего игрока. Второе: в провинции сделать всё как надо. Лучший вариант – русская тройка: коренник выдвигает, две пристяжных губернии поддерживают. И затем – непременно встретиться с Настасьей. Всё-таки не удаётся отделаться от мыслей о ней. Но теперь он уже не прежним встретится с нею, не человечком третьего плана. Женщины любят успех. Так что – вперёд!

Удачно сложился разговор. И продуктивно. Даже лучше, чем можно было ожидать. Намного лучше.

Точно так же думал и Андрей Андреевич: считал, что выиграл, как любили говорить когда-то, сто тысяч по трамвайному билету. Хорошо, что Тим со своей идеей вылез именно сейчас – пока ещё не состоялся главный разговор. Там, куда уже надо и в самом деле потопиться: туда опаздывать никак нельзя.

Вместо одного проекта фирма будет разрабатывать сразу два. И оба – серьёзные, весьма перспективные. А то, что они будут противоречить один другому, совершенно не важно.

Пикантная в общем-то ситуация возникает: фирма будет бороться сама с собой. А следовательно – кто бы ни победил, фирма окажется только в плюсе. И в немалом. Чего ещё можно желать?

– Давай по средней, по осевой дуй! – поторопил он водилу. – Не молоко везёшь.

Шофёр лишь кивнул и прибавил.

6

Земля, до этого безмятежно покоившаяся на трёх китах, стала плавно раскачиваться. Видимо, в Океане, обиталище китов, разыгрался нешуточный шторм. Однако, перевалившись несколько раз с боку на бок, твердь успокоилась и начала быстро приближаться: вертолёт пошёл на снижение.

Полковник Лосев плотно сжал губы и несколько раз глотнул. В ушах щёлкнуло, и возникшее было неудобство прошло. Он стал глядеть вниз. День выдался безоблачный, видно было хорошо. При известном опыте – а его Лосеву не занимать было – легко угадывалось расположение всех полков и отдельных подразделений дивизии: один – на изначально обширной и ещё расширенной усилиями сапёров поляне, тридцать четвёртый, другой – частично на опушке леса, остальное – в редколесье, третий – и вовсе в лесу (но палаточные квадраты всё равно просвечивали сквозь листву). Там, на высотке, что это? Ага, управление и штаб дивизии. А в западной части поляны – техника. Намётанный глаз полковника легко опознавал аккуратно выстроенные БМП, потом земля скользнула наискось вверх, промелькнули и исчезли небрежно замаскированные пушки, ракетные установки, уже совсем близко возник какой-то странный микрорельеф, ни с чем в представлении полковника вроде бы не связанный. Почему-то в этот миг Лосеву, привыкшему, как и любой штабной офицер, на всякое явление смотреть и глазами возможного противника, представилось, как где-то там дешифровщики разбираются в переданных спутниками изображениях и тоже поднимают брови над правильной формы бугорками, каждый из которых окружали аккуратно нарезанные прямоугольнички грунта. Потом в поле зрения полковника на миг оказалась дорога, просёлок, на ней – колонна (ротная, определил полковник) возвращалась, видимо, с занятий в расположение: близился обед. И сразу же лётчик убрал газ, с трудом переносимый грохот сменился интимным бормотанием, словно бы машина предлагала примирение после продолжительного разговора на высоких тонах; толчок при посадке был почти незамеченным. Сели. Командир, старший лейтенант, доложил очевидное: «Прибыли, товарищ полковник». Другой, сержант открыл дверцу, вывалил лесенку. Полковник встал, потянулся, спустился на грунт и почему-то глянул вверх, как бы желая увидеть там только что оставленный ими след.

Повернув голову, он поблагодарил пилотов и шагнул навстречу ожидавшим его в разумном отдалении, подальше от лениво пережёвывавших воздух винтов.

О приближении вертолёта комдива оповестили своевременно, и он поднялся из блиндажа на поверхность. Дул холодный ветер, нередкий этим летом в тех широтах и долготах, где дислоцировалась дивизия, хотя в Москве вот, как передают, от жары асфальт прямо течёт. Ну, так то Москва... Полковник Курилов, поёжившись, приказал принести шинель,

а когда принесли – не надел в рукава, но лишь накинул на плечи, и так сел в машину и сказал: «Поехали!» А доехав, стал прохаживаться взад-вперёд близ посадочного круга, ожидая, когда вертолёт приземлится.

Шинель внакидку была неким подобием демонстрации. Так комдив и хотел, потому что не было уже ни сил, ни желания таить про себя докрасна созревшее недовольство начальством, включая и самое высокое.

Каждая дивизия имеет свою историю, свой боевой путь, начинающийся со дня подписания приказа о её формировании. И у той, что находилась под командованием Курилова, боевой путь, начавшись ещё в дни Великой войны, внушал уважение – не даром три ордена были на её знамени. Были в этой истории свои взлёты и падения, но, к сожалению, чем ближе подходило время к сегодняшнему дню, тем падения становились глубже – как и всей армии.

До поры до времени полки, входившие в состав дивизии, ничем не отличались от частей и отдельных подразделений любого другого соединения, чей рядовой и сержантский состав состоял из срочнотружеников, призванных исполнять священный долг, то есть сколько-то из каждого пополнения уходило в бега, сколько-то на себя накладывало руки, остальные, в ожидании вождя дивизии, вперевалку отбывали номер. А когда они уходили в запас, те, что приходили на их место, ещё хуже кормленные и развитые замухрыги, ещё труднее обучающиеся, зато попрошайничающие и приворовывающие при малейшей возможности, и вовсе доводили командиров до смертной тоски. Включая и тогдашнего комдива, похоже, переставшего верить и в армию, и в будущее, и в самого себя.

Стояла эта дивизия рядом с областным центром, и дошло до того, что держать её там стало просто неприличным: город посещали иностранцы – и туристы, и журналисты, и мало ли ещё кто, многое они замечали и дома охотно делились своими впечатлениями. Проблема чисто армейская стала приобретать политический оттенок.

Тогда дивизию и передислоцировали подальше от взглядов и всего прочего. Комдива отправили в отставку (он, похоже, и не очень горевал), а вместо него назначили полковника Курилова, не раз неплохо показывавшего себя в горячих точках – и известных широкой общественности, и вовсе ей неведомых. Загнали её чуть подальше, чем к чёрту на рога, тем самым поставив некий эксперимент. В штабных разговорах – неформальных, конечно, – с той поры её стали именовать «дивизия имени Робинзона».

Условия тут, на пустом месте, куда дивизию вывели из некоей горячей точки в прошлом году, трудно даже и назвать условиями, скорее – их полным отсутствием. И тем не менее новому комдиву удалось сохранить в строю лучших из тех, кто служил ещё до него, а кое-кого и привести с собой. Удержал даже тех, у кого было где приютиться в цивилизованном мире. И это удавалось потому, что люди как-то сразу понимали: он стремится, чтобы в его дивизии служили как положено, а не отбывали номер. И те, кто всякими правдами и неправдами мог бы, проявив настойчивость, перевестись куда-нибудь, где потеплее и комфортнее, – не все, конечно, но та их часть, которая хотела именно служить и именно в армии, та часть, что поняла, что никто этой армии для них не создаст, кроме них самих, – осталась с ним, жертвуя при этом многим: сотнями и тысячами людей гражданских, объединяемых понятием «члены семей военнослужащих» – и тех, кто оказался сейчас достаточно далеко от расположения дивизии, по всей России, и о ком привыкли уже говорить «солдатские матери», и других, кто был тут же, ютился вместе с мужьями, потому что больше нигде было: офицерские жёны. Он понимал: не будь тут этих женщин – и дивизия начала бы разваливаться лавиной, не только срочнотруженики пустились бы в бега (что и сейчас происходило, но в допустимых реально пределах), но и офицеры, и так уже готовые писать рапорты об увольнении из Вооружённых сил, тоже, в конце концов, законно или нет, но стали бы исчезать – а этого допустить никак нельзя было. И не только потому, что после этого комдиву, выросшему в семье, где понятие чести от века стояло выше понятия жизни, оставалось бы только

пустить себе пулю в висок. Но это была бы его личная судьба, а вот распад армии, которую он и по сей день именовал «Великой», отлично зная, как далеко сейчас это определение от истины, – распад армии определял судьбу всей страны, и вот этого – считал полковник – нельзя допустить никоим образом. Предотвратить любой ценой.

Дивизия же под его управлением стала меняться. Потому что Курилов принялся комплектовать её по собственным представлениям, достигнув договорённости с местными военкоматами, согласившимися с ним не без сомнений, но быстро усвоившими, что методика Курилова давала им возможность жить спокойно даже и в осенние и весенние призывы.

Три года прошло. Дивизия изменилась, а условия её существования – не очень, да и если что-то и улучшилось, то лишь благодаря её самостоятельности. Наверху же (как не раз казалось) об этом соединении вообще забыли, поскольку ничего неприятного о ней вроде бы не докладывали, а приятного ждать вряд ли стоило. И, думая об этом, полковник всё убыстрял шаги и всё резче поворачивался на каждом пятнадцатом шаге через левое плечо, слово за словом формируя фразы, какие скажет прилетающему столичному штабному. Военный на тяжесть службы не жалуется! И этому штабному он не на службу станет жаловаться, и не о своих интересах говорить, и даже не только о дивизии, но – об армии! Об ар-ми-и, понятно?!

Пора. Он повернулся и зашагал навстречу гостю, сохраняя на лице официально-служебное выражение. Но с каждым шагом выражение его серых и блестящих, как рассветная вода, глаз менялось: решимость сменялась удивлением, удивление же – радостью. Курилов скинул шинель одним движением плеч на готовые сзади руки. Оба одновременно поднесли ладони к козырькам. Крепко пожали руки.

– С прибытием, Сергей Викторович, – сказал Курилов. – Как долетел? Не растрясли?

– Благодарю, Артём Петрович, всё в норме. Вертолётов не боюсь – я же кандидатом в президенты не выступал.

– Разрешите доложить?

– Артём Петрович! Я ведь не зря к обеду подгадал.

– Понял. Прошу в машину.

7

Когда событие, которого ждёшь давно и нетерпеливо, вдруг не медленно, постепенно, а сразу, невероятным скачком приближается вплотную, вдруг возникают сомнения: да произойдёт ли оно на самом деле? Чем меньше остаётся до него недель, дней, часов, тем крепче становится вероятность того, что – не случится. Пустой слух. Не допустят. Что-нибудь да придумают.

И когда этот день наконец наступил, зэка Котовский предпочёл о нём просто-напросто забыть. Сказал себе: не надо ждать перемен к лучшему.

«Не жди, не бойся, не проси». Конституция в шести словах. Или «не верь»?

Так что он по-настоящему удивился, когда его сняли с работы и объявили: вследствие пересмотра его дела Верховным судом по надзорному протесту Генпрокуратуры, срок ему сокращён (более на сон похоже, чем на явь), и вследствие истечения вновь определённого срока он освобождается. Вчистую.

Впрочем, и объявили ему это как-то неуверенно, словно бы с запинкой. Так сказали, как будто каждую секунду ждали, что кто-то рыкнет: «Отставить!» Но ничего такого не прозвучало, всё произнесли до конца, потом возникла какая-то нелепая пауза, Котовский понимал, что надо вежливо и спокойно поблагодарить и дальше действовать по установленному порядку – но на какие-то секунды голова совершенно опустела, мысли стёрлись. И не войди в это время пропущенный на этот раз без задержки Каплин, адвокат, Котовский, скорее всего, не сразу пришёл бы в себя. Но тут адвокат привычно взял всё на себя, и действия потекли

нормальным порядком. Вещи, документы, прощание с сокамерниками в цеху... С адвокатом удалось обмениваться лишь какими-то обрывками слов:

- Рая не приехала, надеюсь?
- С трудом отговорили. Ждёт вас дома.
- Хотелось бы обойтись без пресс-конференции.
- За воротами только один журналист. Остальным убедительно посоветовали не

путаться под ногами.

- Как поедет? Полетим?
- Надо обсудить. Пока – машина до городка. Номер заказали на всякий случай. Там сейчас Татьяна.

Татьяной звали здешнего адвоката.

- Не хотелось бы задерживаться.
- Никому не хочется. Но излишне торопиться тоже не следует, поверьте. День или два на фоне прошедших лет – не так уж много.
- Ну, что же – я привык на вас полагаться.

Ворота колонии вдруг оказались страшно далеко – хотя на деле, разумеется, оставались на обычном своём месте. Когда калитка за спиной затворилась (после обычных слов прощания; слух невольно искал не в словах, а в интонациях надзирательской братии какой-то иронии, что ли, но ничего такого не уловил), встречавший журналист с любительской камерой наизготовку после поздравления задал лишь пару вопросов – понимал, что сейчас освобождённому не до многословия:

- Ваши планы на ближайшее будущее?
- Увидеться с семьёй.
- В чём вы видите своё будущее: в бизнесе? В политике?
- В жизни. Точнее пока не могу сказать.
- Намерены уехать – или останетесь в России?
- Мой дом – здесь.
- Всё, Виталик, – скомандовал адвокат. – Имей совесть.
- Пробовал обзавестись, – ответил тот. – Пока безуспешно. А если вечером?
- До вечера ещё дожить надо, – сказал адвокат.
- Вы полагаете...
- Ещё Маркс сказал: «Сомневайся во всём».
- Тогда самый последний, пожалуйста! Скажите: вы знакомы с Ладковым Игорем Федотовичем?

Котовский невольно пожал плечами:

– С нынешним кандидатом в президенты? Ну, встречался в своё время... по касательной.

- Нет. Он – Фёдорович, а я спросил о Федотовиче.

Котовский помедлил.

- Понятия не имею. Я должен его знать?
- Быть может, придётся...
- Вот тогда и спросите.

Машина была – старая «Волга», двадцатьчетвёрка. Котовский с адвокатом уселись сзади. Котовский откинулся на спинку, закрыл глаза. Пока ехали, больше не проговорил ни слова. Каплин тоже молчал. Адвокату положено чувствовать состояние своего клиента, а также говорить только то, что нужно, и только тогда, когда нужно. Но в окошки глядеть никак не запрещается. Он и оглядывался. И машину, уральский джип с цельнометаллическим кузовом и забрызганным густой грязью номером, заметил сразу же, как только она вывернулась

с поперечной грунтовки. Движения тут почти не было, и джип без помех держался в полусотне метров сзади, не приближаясь и не отставая.

Хотя, когда подъехали к гостиничке, уралец проехал мимо не остановившись, даже не сбавив скорости. На всякий случай – обождали, пока джип, миновав ближайший перекрёсток, не укатил дальше. Лишь после этого покинули «Волгу» и быстренько вошли в подъезд, отворив дверь без помощи швейцара.

Глава вторая

1

– К вам Полкан Андрей Андреевич. Политтехнолог. Вы назначали.

– Пусть войдёт.

И сам встал из-за стола, чтобы встретить приглашённого.

* * *

– Ситуация, должен признать, более чем сложная, – сказал Полкан.

Он заранее решил с самого начала придерживаться варианта «нокдаун в первом же раунде»: не смягчать ничего, напротив, рисовать картину даже несколько более мрачную, чем на самом деле. Показать, что ты ничего не скрываешь, не приукрашиваешь. Что ты объективен. Надо, чтобы клиент поверил тебе во всём, строго следовал диспозиции – той, что будет ему предложена.

– На сегодня рейтинг Ладкова – где-то около пятнадцати процентов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.